

УДК 130.2

З.Н. Исмагамбетова^{1*}, В.Н. Бадмаев²¹Факультет философии и политологии, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан, г. Алматы²Институт калмыцкой филологии и востоковедения, Калмыцкий государственный университет, Россия, г. Элиста

*E-mail: zuchra-50@mail.ru

Мультикультурализм и толерантность: вызовы современного мира

Современной мировой тенденцией является обострение межэтнических противоречий, рост нетерпимости даже в тех странах, которые достигли высокого качества жизни. Это происходит, в том числе, на фоне мирового экономического кризиса и нарастания миграционных потоков. Все это обуславливает актуальность и важность научного и философского дискурса по переосмыслению роли, значения и перспектив мультикультурализма в контексте вызовов и императивов глобализирующегося мира.

Ключевые слова: мультикультурализм, идентичность, глобализация, диалог культур.

Z.N. Ismagambetova, V.N. Badmaev

Multiculturalism and tolerance: challenges of the modern world

Modern world trend is worsening ethnic conflicts, the growth of intolerance, even in countries that have achieved a high quality of life. It comes amid a global economic crisis and the rise of migration flows. All this causes the relevance and importance of scientific and philosophical discourse on rethinking the role, importance and prospects of multiculturalism in the context of the challenges and imperatives of a globalizing world..

Key words: multiculturalism, tolerance, identity, globalization, dialogue of cultures.

З.Н. Исмагамбетова, В.Н. Бадмаев

Мультикультурализм және төзімділік: қазіргі әлемнің шақырулар

Қазіргі әлемдік даму үрдісіне этностар арасындағы қайшылықтың шиеленісі, төзімсіздіктің өсуі тән. Бұл өмір сүру сапасы жоғары деңгейге жеткен елдердің өзінде де байқалады. Дүниежүзілік экономикалық дағдарыс пен миграциялық толқынның үдеуі аталған құбылыстың дамуына әкеледі. Осы жағдайлардың барлығы жаһанданған әлемнің сұраныстары мен императивтері контекстіндегі мультикультурализмнің рөлі мен болашағының өзектілігі мен маңызын ғылыми және философиялық сұқбатта қарастыруды негіздейді.

Түйін сөздер: мультикультурализм, бірегейлік, жаһандану, мәдениеттер сұқбаты.

Введение

XXI век знаменуется тем, что человечество вступает на новый цивилизационный путь, характеризующийся динамичными измене-

ниями и сменой культурных и межкультурных коммуникаций. В культурном развитии современных стран и народов вызовы XXI века вносят много сложных изменений. С одной стороны, сильные воздействия формирующейся

медиа-культуры, следствием которой является смена аксиологической системы, с другой стороны, новые тенденции, происходящие в науке и новых технологий. Эти изменения влияют на жизненный сценарий людей, на поведение и общение, в результате чего отдельный человек, а вместе с ним и у этнических, социальных групп возникают сложные трансформации в собственной идентичности. Вместе с этим наблюдается потеря тех инвариантов, с помощью которых осуществлялась и реализовывалась культурная идентификация, а вместе с ней возникает неодолимое стремление в создании новой социополитической онтологии.

Начало XXI века знаменуется для постсоветского периода, для всего социокультурного пространства Центральной Азии, в том числе и для Казахстана, Российской Федерации как качественный поворот не только в политическом плане, построении новых форм независимого государства со своей новой политической культурой, но и новой системой политических ценностей и методов внешней и внутренней политики. Новый век вносит значительные коррективы и в плане отношения к культурным ценностям, в переосмыслении собственной истории, обретении нового взгляда на многие исторические события и культурные стратегии.

В современном казахстанском и российском обществах одной из важных проблем является формирование толерантной культуры. Двадцать лет развития независимого Казахстана и Российской Федерации характеризуется достижением экономической, социально-политической стабильности, религиозной толерантности, государственной безопасности. Эти достижения являются наиболее важными ценностями для наших обществ. В условиях курса индустриализации и нового витка технологического прорыва весьма важными становятся вопросы о существовании в поликультурном, полиэтничном и поликонфессиональном обществе. На страницах газет, журналов, в дискуссиях ученых и парламентариев, выступлениях журналистов в телевизионных программах за последние пять лет широко обсуждался вопрос о национальной идеи, о национализме, о проявлениях шовинизма, о новых формах межкультурной коммуникации в условиях полиэтничного, поликонфессионального общества. Проблематизация этих идей неслучайно, т.к. после господства советской идеологии образовался своеобразный вакуум, а

динамичный процесс деидеологизации стал постепенно переходить в поиски новых форм реидеологизации общественного сознания.

В таких условиях для этноса, для социальных групп, людей является особенно значимым проблема культурной идентификации, т.к. каждый субъект культуры стремится реализовать свои потенциалы посредством социального и культурного взаимодействия с другими субъектами культуры. При этом каждый стремится сохранить и творчески развить свои культурные традиции, ценности, паттерны наряду с культурными новациями.

В условиях полиэтничного состава казахстанского общества осознание своей национальной и этнической идентичности является своеобразным устойчивым основанием для обретения защищенности своей ментальности, своей системы ценностей. Стремление найти такую основу становится за последнее время важной составляющей для многих индивидов. Поэтому поиск модели социальной идентичности, культурной идентичности, национальной или религиозной идентичности является социально значимой, т.к. дает отдельному индивиду ощущение своей защищенности и востребованности своего «я», ощущение своего предназначения в обществе.

Проблема собственной идентичности становится особенно острой в связи с распространением различных религиозных конфессий на территории нашего общества, активизация различных исламских, протестантских и других надконфессиональных направлений. Особенно этот вопрос приобретает проблематичный характер в свете широкого воздействия масс-медиа. Под воздействием медиа-культуры индивид испытывает соприкосновение с другой культурой, религией, представлениями о моральности. В 80-90 е годы 20 века наш гражданин находился в советском пространстве и его национально-государственная, нравственная и религиозная идентичность поддерживалась советской идеологией, советским государством. Советская конституция и «моральный кодекс строителя коммунизма» были гарантом и системой ценностей для него. После распада советского государства произошло изменение о представлений о национальной и государственной идентичности. Утрата советской идентичности поставило нас перед выбором: «кто мы?» и «какие мы?» Эта ситуация, которая происходит на фоне смены политических форм управления и выбора политической

системы, поиска собственного социально-политического развития, зачастую сопровождается кризисом идентичности. Так кризис советской идентичности ставит народ перед выбором новой модели, но сталкиваясь с открытием различных моделей социально-культурного развития, субъект культуры испытывает её отсутствие.

В этих условиях ангажированным становится и форма поиска новой модели мирного сосуществования, основанной на идеи толерантности к другой культуре, другому этносу, другому мировоззрению, поиск новых моделей межкультурной коммуникации в условиях мультикультурного мира. В данной статье ставится попытка философского осмысления феномена мультикультурности в контексте толерантного отношения друг к другу, к Другому, принятию Друговости.

Содержание

Одним из главных вызовов человеческому обществу в XXI веке выступает противостояние универсальных цивилизационных стандартов, с одной стороны, и ценностей национально-культурной идентичности – с другой. Можно отметить некоторую парадоксальность ситуации. Рост объективных интегративных тенденций во всем мире, которые ведут к взаимодействию во всех сферах жизни современного общества – экономической, политической, культурной – сопровождается не менее устойчивым, параллельным процессом противодействия проявлениям интернационализации экономики и духовной сферы в форме протестов отдельных этнических и социальных общностей в разных регионах и странах. Более того, боязнь утратить свой язык, культуру, самобытность, уникальность в этих условиях, характерная практически для всех народов, проявляется и на уровне государств, отстаивающих свои национально-государственные интересы, свою национальную идентичность.

При этом потеря идентичности, влекущая за собой ценностную деструкцию, рассогласование или утрату ценностей (аномию), попытки конструирования искусственной идентичности представляют угрозу безопасности общества и сопровождаются, порой, различного рода конфликтами. Ведь потеря индивидуальной идентичности часто свидетельствует и о кризисе общественных систем. Примерами и результатами опасного конструирования искусственных

«клонов» идентичности являются религиозный фундаментализм, крайние формы национализма. Тем самым человечество сталкивается с двойным вызовом. С одной стороны, возросли личное самосознание, чувство культурной идентичности. С другой стороны, значительно расширился взаимный обмен между людьми, народами и цивилизациями.

Идентичность не должна пониматься как результат биполярной оппозиции «Мы – Они». Идентичность, прежде всего, необходима для сохранения и поддержания традиционных ценностей и налаживания диалога между различными культурами, который зависит от признания и более полного восприятия культурного многообразия. Диалог между культурами и цивилизациями подразумевает «обмен пониманием», а не «обмен непониманием», который ведет к конфликту. В этих условиях актуализируется вопрос о формах или способах сосуществования людей различных культур и традиций в глобализирующемся мире.

Современной мировой тенденцией является обострение межэтнических противоречий, рост нетерпимости даже в тех странах, которые достигли высокого качества жизни. Это происходит, в том числе, на фоне мирового экономического кризиса и нарастания миграционных потоков. Глобальный финансово-экономический кризис 2008-2009 гг., последствия которого еще не преодолены в большинстве регионов мира, вызвал обострение внутренних противоречий во многих странах. При этом границы «размежеваний» в современных как западных, так и не западных обществах все больше приобретают характер межконфессионального, межэтнического противостояния [1].

Все это обуславливает актуальность и важность научного и философского дискурса по переосмыслению роли, значения и перспектив мультикультурализма в контексте вызовов и императивов глобализирующегося мира. Как известно, понятие мультикультурализма имеет различные трактовки и значения: политико-правовая идеология, философско-теоретический конструкт, реализуемые в различных странах различные практические модели межкультурного взаимодействия и т.д. Достаточно интересно по этому поводу высказался Р. Бернштейн: «мультикультурализм – определенно понятие неопределенное» [2]. Невозможность дать мультикультурализму какое-то одно строгое определение,

детерминирована, очевидно, неоднозначностью и изменчивостью самой социокультурной реальности, которую этот термин призван отражать или обозначать.

Обратимся в этой связи к историко-культурному контексту возникновения мультикультурализма. Здесь в первую очередь необходимо отметить, что долгое время в мире преобладали принципы центристского монокультурализма, согласно которым каждая историческая цивилизация позиционировала себя как прогрессивное и безусловное ценностно-положительное образование. При этом другие культурные формы рассматривались как «низшие», «второстепенные», которые необходимо или полностью ассимилировать, или уничтожить. Критика данной европоцентристской культурной парадигмы начинается с работ основателя структурной антропологии К. Леви-Стросса [3]. Он на основе анализа поведения и мышления архаических народов приходит к выводу, что универсальных норм «цивизованности» не существует, и, соответственно, цивилизационный европоцентризм признается ошибочным. Идеи К. Леви-Стросса в 60-70-е гг. XX в. получили развитие в трудах Ф. Гваттари, Т. Адорно и Г. Маркузе. Все это послужило фундаментом для формирования новой культурно-ценностной парадигмы – постмодернизма, выдвинувшего принципиально иной культурно-аксиологический дискурс, подвергший пересмотру идею монологического культуроцентризма. Так, например, Ж.-Ф. Лиотар отмечает «недоверие в отношении метанарративов», т.е. общекультурных универсалий-обобщенностей [4]. По его мнению, для эпохи постмодерна характерно моделирование отдельных локальных структур на основе языковой игры, которые исключают «великий нарратив». В данном контексте представляют интерес рассуждения Лиотара об этике эпохи постмодерна, которые фактически являются интеллектуальным обоснованием и идейным фундаментом политики мультикультурализма. Этика эпохи постмодерна базируется на особом внимании к различиям («differend»), а главной «несправедливостью» для нее являются попытки навязать «правила игры» одного локального нарратива другому нарративу. Этика в частности, и культура в целом, существуют в пространстве гетерогенных «языковых игр», унификация которых в принципе невозможна. Исходя из этого посыла, Лиотар считает, что задачи по созданию некой

гомогенной унифицированной социальной общности и создания универсального языка коммуникаций в рамках постмодернистской культуры принципиально деструктивны. В итоге появляются основания для разработки новой ценностно-культурной парадигмы – постмодернизма, выдвинувшего принципиально иной культурно-аксиологический дискурс, согласно которому признается необходимой такая социокультурная и этноконфессиональная политика, которая была бы направлена на сохранение культурных и религиозных различий.

Таким образом, политика мультикультурализма, направленная на сохранение культурных различий в мире, стала практической реализацией философии постмодернизма в социокультурной действительности. В качестве главной парадигмы был провозглашен глобальный культурный плюрализм, не принимающий никаких ценностных сравнений культур, которые могли бы поставить под угрозу культурное многообразие мира. Результатом реализации постмодернистской модели мультикультурализма должно было стать глобальное «сверхобщество», которое состояло бы из отдельных, независимых, этнокультурных атомарных образований. Это «сверхобщество» должно было стать принципиально новым образованием, представляющим собой модель особого универсального сосуществования народов в пространстве культуры постмодерна [4,10]. Однако теоретические замыслы основателей постмодернизма, перенесенные в плоскость социально-культурной действительности, обнаружили серьезные минусы и недостатки, привели к критике и кризису политики мультикультурализма.

Стремительное развитие информационных и коммуникационных технологий открывает широкие возможности для взаимодействия между отдельными людьми, профессиональными группами, делает все более прозрачными межгосударственные границы, обеспечивая передачу информации по всему земному шару. В результате развития высоких технологий меняется само понятие «территория». С одной стороны, «территория» расширяется за пределы национальных границ, открывая возможности быстрой связи и взаимодействия людям из разных стран, с другой – сужается, охватывая через сеть Интернет отдельные корпоративные или иные группы. Возникают новые общности и новые формы идентичности, которые далеко не всегда совпадают с

национальными или географическими границами. Эти группы все активнее становятся участниками современных международных отношений, ставя под сомнение теорию С. Хантингтона о столкновении цивилизаций.

Так, например, ученые и специалисты образуют новые социокультурные общности глобального уровня. «Глобальный поток информации, – пишет о них Дж. Конрад, – функционирует на многих различных технических и институциональных уровнях, но на всех уровнях интеллектуалы – это люди, чьи взаимные знакомства и контакты пересекают границы, люди, которые чувствуют себя союзниками. Мы можем отнести к транснациональным тех интеллектуалов, которые ощущают себя дома в культурной среде других народов, как и в своей собственной... У них есть особые связи в странах, в которых они живут, у них есть друзья по всему миру, они пересекают моря, чтобы поdiskутировать о чем-либо со своими коллегами, они летят на самолете, чтобы встретиться друг с другом так же легко, как их предшественники два века тому назад скакали в ближайший город, чтобы обменяться идеями» [5].

Другой пример – «яппи-интернационал». Яппи (yuppie) – популярное сокращение от young urban professional (молодой городской профессионал). В мире существует целая сеть сообществ честолюбивых молодых людей, занимающихся бизнесом и другими видами деятельности, которые появились словно бы ниоткуда. Они бегло говорят по-английски, соответствующим образом одеваются и ведут себя, работают и развлекаются, а в какой-то степени и мыслят по-английски. Однако эта внешняя оболочка не охватывает и не отражает все стороны их жизни. Насчет одних это, безусловно, так: они – космополиты. Они считают, что мир стремится к единой культуре, к тому, чтобы стать одним целым, а культурная идентичность из того рода вещей, которые созданы, чтобы мешать двигаться вперед и осваиваться в новом мире.

Другие же стараются одновременно существовать в двух различных культурных мирах: хотят не остаться в стороне от глобальной деловой культуры, а в личной жизни ориентируются на совершенно иные культурные ценности, например, национальные [6].

Вместе с тем, необходимо отметить, что вывод об однозначном доминировании в глобализирующемся мире тенденции к росту культурного единства вряд ли правомерен. Формирование

единого информационного пространства и универсализация потребительских стандартов не могут заменить культурное многообразие мира, а кажущаяся безвариантность глобализации по неолиберальному сценарию активизируют поиск альтернатив. Вопрос о том, какими они будут, остается открытым, хотя исследования «глобального гражданского общества» констатируют формирование на транснациональном уровне качественно новых структур.

Сегодня мы наблюдаем гигантский приток иммигрантов из «третьего мира» в страны Запада и значительная, если не большая их часть привносит с собой собственную культуру, отличную от западной. Стараясь взять под контроль потоки трудовых мигрантов на глобализированном рынке рабочей силы, многие государства проводят эксперимент с программами временной миграции. Иммигрантам, нанятым в рамках таких программ, не предлагается гражданство; они должны отработать определенный срок и затем уехать «домой», не оказав сильного воздействия на национальную культуру и самобытность в принимающей стране. Но в действительности так не получается. Такие программы создают для многих иммигрантов возможность работать и зарабатывать, переводя домой деньги, которые складываются в миллиарды. Но эти программы также привели к возникновению маргинальных сообществ. Как гласит ставшая знаменитой фраза о Европейской программе использования иностранной рабочей силы, «нанимали рабочих, а получили население».

Проникновению инокультурных установок в общества с устойчивыми социальными институтами способствуют глобальные миграционные потоки, которые лишь частично инкорпорируются в правовое поле государств и наднациональных сообществ. Передвижение становится доступным, коммуникации – мгновенными. Пространственное расширение этнических общин поверх национальных границ порождает новые формы гибридной культурной идентичности, уже не привязанные к определенной территории и структуре управления. Трансграничные культурные ареалы размывают сложившиеся в данной географической зоне местные сообщества. Противостояние и взаимную нетерпимость усугубляют растущая конкуренция на рынках труда, распространение через границы таких социальных аномалий, как наркомания, криминальные сетевые структуры и т.п.

«Плавильный котел» уже не работает так, как прежде. Данной ситуации больше отвечает тезис «внутри, но не вместе». Увеличение этнического населения, его усиливающаяся территориальная концентрация, формирование этнических анклавов со специфическими видами хозяйственной и трудовой деятельности, где воспроизводятся язык, культура, обычаи и поведенческие стереотипы, характерные для страны исхода, ослабляют ассимиляционные импульсы национальной экономики и общественных институтов и нарушают работу «плавильного котла». С формированием неассимилированных этнических меньшинств принимающие общества встают перед проблемой национальной идентичности, межэтнические отношения обостряются.

Глобализация предстает как сила, которая, помимо всего прочего, способствует сохранению и развитию местных различий и многообразия, т.е. росту локальной гетерогенизации. В этой ситуации вполне правомерно говорить о появлении другой глобальной тенденции, которая, по сути дела, заключается в том, что регионы, государства, нации стремятся возродить или вернуть собственную историю, идентичность и традиции. Локальный ответ на глобальный вызов может принимать разные формы: сопротивление и отрицание – это, конечно, не единственные возможные его варианты. Причем если оценивать этот ответ по шкале «принятие» и «отрицание», то необходимым представляется введение и таких промежуточных градаций, как «сосуществование» и «синтез». И вполне понятно, что данная шкала каждый раз должна детализироваться для измерения разнообразных ответных реакций, исходящих со стороны локальных обществ, получающих вызовы глобализации.

Очевидно, что глобальные процессы должны мыслиться в сопоставлении с локальными. Ведь именно локальные ориентиры задают координаты позиционирования индивида в глобальном мире. Вместе с тем возможности тиражирования и распространения в информационном обществе культурных образцов позволяют говорить о становлении механизмов глобального культурного обмена.

Современный социальный ландшафт характеризуется тем, что идеологии, ценности, границы, стили жизни, институты столкнулись лицом к лицу со значительной дезинтеграцией и обновлением. Проблемное пространство современных обществ определяется стремительным возраста-

нием сложности, открытости и неустойчивости социума, что и предопределяет принципиально новый характер динамики взаимоотношений социальных индивидов и общностей. Социальные системы на всех уровнях проявляют все большую открытость. Их границы утрачивают охранительные функции, становятся все более и более проницаемыми для «переливов» капитала, технологий, продукции, человеческих ресурсов, культурных моделей и практик, независимо от их полезности или опасности для реципиентов. Если на начальном этапе развития современных обществ даже фундаментальные изменения приносили исторически ограниченные результаты, проявляющиеся в течение определенного периода времени, то теперь неустойчивость социума достигла таких пределов, что даже незначительные воздействия приводят к весьма быстрым, радикальным и непредсказуемым последствиям (так называемый «эффект бабочки»). С этим объективным обстоятельством необходимо считаться. Современный социальный ландшафт обретает новые характеристики и новые, соответствующие ему проблемы. На смену прежней социальной реальности приходит новая реальность, новое качество изменившегося мира, и, как следствие, качественно новое состояние человеческого бытия. Ведь социальные и культурные потоки не замыкаются в рамках национальных (или иных устойчивых политических общностей). Они отражают постоянно меняющуюся социальную реальность и реагируют на эти изменения, оказывая прямое воздействие на институциональный дизайн современных обществ, объективирующий индивидуальное поведение путем трансляции культурных предпочтений на уровне институтов.

Индивиды могут иметь и действительно обладают множественной идентичностью, отдельные аспекты которой взаимно дополняют друг друга – их этническая, языковая, религиозная и расовая принадлежность, а также гражданство. Это не означает, что идентичность представляет собой что-то вроде игры с нулевым результатом: чем больше одного вида идентичности, самобытности, тем должно быть меньше другого. Когда под сомнение ставится разнообразие идентичностей, отрицается какой-либо образ жизни, когда существует угроза фундаментальной свободе выбора, неизбежными становятся конфликты. Осознание многообразия культур, идентичностей не как угрозы, а как реальности мира долж-

но послужить «преодолению барьеров» во имя диалога между цивилизациями.

Чувство самобытности и принадлежности к национальной, социальной группе с общими ценностями, культурными маркерами имеет важное значение для индивида. Однако каждый человек может отождествлять себя со многими различными группами. Да, у идентичности людей, наций есть границы, отделяющие «нас» от «них», но эти границы подвижны и могут размываться, чтобы вобрать в себя более широкие группы людей.

Культурная свобода, культурное многообразие, культурная толерантность являются жизненно важными составляющими человеческого развития, потому что для полноценной жизни индивиду, нации необходимо определить свою идентичность – то есть ответить на вопрос: «кто ты?» – и не потерять при этом уважения со стороны других, равно как не лишиться себя возможностей выбора в каких-то других отношениях.

Мир, связанный глобальной взаимной зависимостью, нуждается в новом подходе к анализу идентичности, культурного многообразия, толерантности и глобализации. В условиях принятия множественной идентичности в обществе дискутируются следующие вопросы. В какой мере между нами допустимы различия? Насколько схожими мы должны быть? Ведь признание множественной самобытности влечет за собой серьезную трансформацию общества.

Собственно говоря, данные вопросы в том или ином контексте всегда стояли перед народами. И народы, цивилизации по-своему отвечали на эти вызовы своей истории. Так, например, в начале VII века., в 604 г. н. э. японский принц-буддист Сетоку принял конституцию кемпо (одну из самых либеральных того времени, известную как «конституция семнадцати параграфов»). В ней говорилось: «Мы не должны обижаться на то, что у других есть иная точка зрения, отличная от нашей. У каждого человека есть сердце, а у каждого сердца – своя склонность. Их правота – для нас заблуждение, а наша правота – заблуждение для них» [7]. Человек, имеющий и настроенный лишь на одну идентичность, рассматривает весь окружающий его мир сквозь призму только этой одной идентичности. Отсюда непонимание других, отсутствие диалога, и как следствие – неизбежные конфликты.

Таким образом, современная ситуация достаточно сложна и противоречива. Она содержит

разные возможности, не поддается простому обобщению, за исключением того вывода, что культурная глобализация не представляет собой ни единственного обещания, ни единственной великой угрозы. На культурном уровне это превращается в серьезный вызов со стороны плюрализма: ломаются традиции, считавшиеся неизменными, обнаруживается, что в области веры, ценностей и образа жизни существует широкая возможность выбора. Не будет ошибкой сказать, что все это – серьезный вызов со стороны возросшей свободы, брошенный как отдельным индивидам, так и целым сообществам. В условиях зарождающейся глобальной культуры необходим поиск компромисса, неких срединных позиций между принятием и агрессивным сопротивлением, между глобальной однородностью и национальной изоляцией.

Народы, индивиды действительно должны отказаться от жестких рамок неизменной и фиксированной идентичности, чтобы вступить в диалог друг с другом. В диалоге важно не только то, что нация, индивид думают о себе, но и то, что другие нации, индивиды думают о них. Ведь, чтобы исчезла почва для конфликтов, народы должны увидеть друг друга, принимая несходство за благо, а не за оскорбление. Для того же, чтобы увидеть другого, необходимо прежде увидеть себя, самоидентифицироваться. Осознать же себя можно лишь зная свое прошлое, свои истоки; осознав свое культурное предназначение, свое место в мире. Кто осознал себя, не может не признавать самобытность другого. Только при этих условиях самобытность и культурное многообразие будут процветать в мире.

Человечество находится в такой ситуации, когда различные цивилизации должны научиться жить рядом в мире, учась друг у друга, взаимно обогащая жизнь. Отсутствие диалога может привести к непониманию, напряженности, столкновениям. И международный порядок, основанный на диалоге, является самой надежной мерой предупреждения столкновения цивилизаций. Диалог возможен лишь между теми, кто способен преодолеть узкий горизонт своей идентичности, подняться над ним, включившись тем самым в более широкую коммуникационную систему отношений. В нем участвуют те, кто, осознав свою индивидуальность, не похожую на другие, одновременно осознает и свою связь с другими. Диалог и существует ради установления этой связи, ради достижения взаимного согласия между людьми, народами.

Заключение

Определение моделей политики идентичности, мультикультурализма, толерантности в современных условиях казахстанского и российского обществ, а также их роли в культурной социализации человека представляется важной теоретической и практически необходимой задачей. Эта стратегия предполагает очень сложный процесс создания (формирования) новых социальных, культурных норм и правил, это процесс активного вхождения в новую систему социальных и культурных взаимосвязей и взаимодействий, действий этносом, социальными группами, человеком. Этот процесс происходит в ходе вовлечения людей, индивидов в социальную и культурную жизнь общества, процесс приобщения их к истории, к традициям, усвоение традиционных и новационных форм социокультурного опыта.

Достаточно сложным является и другой процесс – это инкультурация. Стратегия инкультурации предполагает длительный и постепенный процесс усвоения человеком навыков, манер, норм поведения, которые характерны для определенного типа культуры, для определенного исторического периода. Это длительное и постепенное освоение человеком способов, норм, культурного и жизненного сценария. В процессе инкультурации значимым является создание новой лингвистической модели, усвоение новых лингвосемантических, ценностно-смысловых ориентиров. Наиболее важным в этом процессе является овладение этническими языками регионов, федерации, а также государственным языком новой общественной системы.

В этих условиях особенно значимой становится осознание собственной системы ценностей, целей, т.к. входя в новое социокультурное пространство, народ встречается с разнообразием культурных стратегий и политикой идентификации. В этой связи значимым является осознание свое прошлого, выбор с настоящим, и прогноз будущих изменений в социокультурных процессах. Не менее важным становится вы-

бор новой модели развития, принятие решений и реальной социальное действие. Важную роль в этом акте выбора сыграла не только позиция нового государства, но отечественная социогуманитаристика. Ученые философы, историки, культурологи, юристы внесли значимый вклад в акт осознания нашей истории, культурных ценностей, паттернов социального и политического развития.

Одной из самых важных аспектов этой проблемы является национальная и государственная идентичность. Как для нас, так и для россиян эта проблема имеет глубокие исторические причины, т.к. на протяжении многих столетий мы развивались в едином государственном пространстве. Обретение и сохранение своей государственности и национальной идентичности для наших народов является одной из сложных проблем. Вот почему создание новой государственности в 90-е годы стало, по сути, новой ступенью для формирования новой государственной, национальной и культурной идентичности.

В условиях мультикультурного мира ангажированным становится вопрос и толерантно отношении к Другому, принятию другой системы ценностей, мироотношения, культурного поведения, религиозного мировоззрения. Толерантность – это необходимый момент межкультурной коммуникации; это умение понимать главное не только в своей, но и в другой культуре, видеть в другой, чужой вере ценностные начала, вычленять особые, метакультурные способы обособления [8; 11, p.80; 12, p.74]. Обращение к культурфилософскому исследованию толерантности имеет под собой глубокие цивилизационные причины, так как это важно для сохранения человечества не только как уникального космического явления, но и как культурного феномена, имеющего глубинные гуманистические и нравственно-духовные мотивы» [9, с. 23].

Будущее современного мира невозможно без диалога различных культур и конфессий, и потому мультикультурализм и толерантность, по видимому, останутся основными принципами «глобального общежития» современного мира.

Литература

- 1 Этносоциокультурный конфликт: новая реальность современности // Материалы научно-практической конференции «Глобальный кризис и его последствия: обострение этносоциокультурных противоречий» // Мировая экономика и международные отношения. – 2013. – № 11-12.
- 2 Bernstein R. Dictatorship of Virtue: Multiculturalism and the Battle for the America's Future. – N.Y., 1994.
- 3 Беляев Д.А. Мультикультурализм как стратегия создания дискретного «сверхобщества» в контексте постмодернистской культуры: теория и практика // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 8.
- 4 Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – СПб.: Алетейя, 1998. – С. 108-138.
- 5 Дилигенский Г. Глобализация в человеческом измерении // Мировая экономика и международные отношения. – 2002. – № 7.
- 6 Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / под ред.: П. Бергера, С. Хантингтона. – М., 2004. – С. 11.
- 7 Доклад о развитии человека 2004. Культурная свобода в современном многообразном мире. – М., 2004.
- 8 Ежова Е.Ю. Культурная идентификация личности в поликультурном пространстве. – М., 2009.
- 9 Флиер А.Я. Мультикультуральность // Обсерватория культуры. – 2008. – № 2.
- 10 Jameson, F. Postmodernism, Or, the Cultural Logic of Late Capitalism. – Duke University Press, 2001. – P. 95.
- 11 Appadurai, A. Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy // Durham, M.G., Kellner, D. M., eds. Media and Cultural Studies. KeyWorks. – Oxford: Blackwell Publishing, 2006.
- 12 Bauman, Z. From Pilgrim to Tourist – or a Short History of Identity // Hall, S., du Gay, P., (eds). – Questions of Cultural Identity. – London: Sage, 1996.

References

- 1 Etnosociokulturniy konflikt: novaja realnost sovremennosti. Materialy nauchno-praktecheskojj konferencii «Globalnyj krizis I ego posledstviya: obostrenie etnosociokulturnykh protivorechij» // Mirovaja ekonomika I mezhunarodnykh otnoshhenija. – 2013. – № 11-12.
- 2 Bernstein R. Dictatorship of Virtue: Multiculturalism and the Battle for the America's Future. – N.Y., 1994.
- 3 Beljaev D.A. Multikulturalizm kak strategija sozdanija diskretnogo «sverkhobshhestva» v kontekste postmodernistskoii kultury: teorija I praktika // istoricheskie, filosofskie, politicheskie I juridicheskie nauki. Voprosy teorii I praktiki 2012. № 8.
- 4 Liotar G.-F. Sostojanie postmoderna. – SPb.: Aleteijja, 1998. – С. 108-138.
- 5 Diligenskii G. Globalizacija v chelovecheskom izmerenii // Mirovaja ekonomika I mezhunarodnykh otnoshhenija. – 2002. – № 7.
- 6 Mnogolikaja globalizacija. Kulturnoe raznoobrazie v sovremennom mire. Pod.red. P. Bergera, S. Khantingtona. – М., 2004. – С. 11.
- 7 Doklad o razvitii cheloveka 2004. Kulturnaja svoboda v sovremennom mnogoobraznom mire. – М., 2004.
- 8 Ezhova E.Ju. Kulturnaja identifikacija lichnosti v polikulturnom prostranstve. – М., 2009.
- 9 Flier A.Ja. Multikulturalnost // Observatorija kultury. – 2008. – № 2.
- 10 Jameson, F. Postmodernism, Or, the Cultural Logic of Late Capitalism. – Duke University Press, 2001. – P. 95.
- 11 Appadurai, A. Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy // Durham, M.G., Kellner, D. M., eds. Media and Cultural Studies. KeyWorks. – Oxford, Blackwell Publishing, 2006.
- 12 Bauman, Z. From Pilgrim to Tourist – or a Short History of Identity // Hall, S., du Gay, P., (eds). – Questions of Cultural Identity. – London: Sage, 1996.